

Петербург Анны Ахматовой

Русская мысль. — Париж. —
— 1994 — 14 — 234009. — С.
Продолжение. Начало в "РМ" №4182. 10-11.

"Ахматовский Петербург" — это 70 лет жизни города со всей предыдущей историей и биография самого поэта. Ибо она никогда с ним не расставалась, даже когда была от него вдаль: "Расставание наше мнимо, / мы с тобою неразлучимы. / Тень моя на стенах твоих. / Отражение мое в каналах, / Звук шагов в эрмитажных залах..." — писала она в Ташкенте.

В 10-х годах Ахматова больше всего связана с Васильевским островом, где она "тихая, веселая жила / на низком острове, который, словно плот, / остановился в пышной Невской дельте... Был переулочек снежным и недлинным. / И против двери к нам стеной алтарной / воздвигнут храм святой Екатерины".

Действительно, Тучков переулок имеет всего 19 домов, и 17-й, где жили Ахматова и Гумилев, располагается против алтарной части построенной в 10-х годах XIX века архитектором Михайловым церкви Св. Екатерины. В "Тучке", как называли их дом, написаны стихи, составившие ее первую книгу "Вечер".

В ту пору возник "Цех поэтов". Всего лишь в одном квартале от "Тучки", на углу Биржевой набережной и Волховского переулка, жил М.Л.Лозинский. Он издавал журнал "Гиперборей". "По пятницам в «Гиперборее» расцвет литературных роз..." (З.Гиппиус). Члены "Цеха" собирались еженедельно. В "Цехе" сложился некий культ Ахматовой. Ей посвящали стихи почти все бывавшие там поэты. Она была окружена атмосферой влюбленности, поклонения. Завязавшуюся там дружбу с Лозинским, Мандельштамом и другими она с того далекого 1911 года пронесла через всю жизнь. Вот что стоит за словами: "Я тихая, веселая жила..."

Когда мы читаем ее любовные стихи, мы оказываемся в самых известных местах города. Чаще всего ее влечет Нева, реже Финский залив. "Как ты можешь смотреть на Неву? / Как ты можешь восходить на мосты? / Я недаром печальной слышу / С той поры, как привиделся ты. / Черных ангелов крылья остры..."

Мы точно знаем, какое место на Неве имеется в виду и какие мосты. Черные ангелы — это чужное убранство работы Демут-Малиновского и Пименова, украшающее арку над Галерной улицей между Сенатом и Синодом. Отсюда видны Николаевский и Дворцовый мосты, а до 1916 года, пока не был построен Дворцовый, был наплавной

Рисунок М.Добужинского.

широкое течение. Исаакиевский мост. В другом стихотворении: "Ведь под аркой на Галерной / Наши тени навсегда".

Обращается она и к небольшим островам, омываемым заливом. Это парки Каменного, Крестовского, Елагина островов: "Чернеет аллея Приморского сада / Желты и свежи фонари. / Я очень спокойная. Только не надо / Со мною о нем говорить".

Примеров можно приводить много. Складывается впечатление, что определенное эмоциональное состояние влечет ее музу туда, где она ближе всего к стихии самой природы. Это состояние не обязательно связано с любовной лирикой. Нева придает особую значимость тому, чему стихотворение посвящено. Ее единственное посещение Блока: "Но запомнится беседа, / Дымный полдень. Воскресенье. / В доме сером и высоком / У морских ворот Невы". Через много лет, в стихах памяти Мандельштама: "Там, где наши проносятся тени / Над Невой, над Невой... / Там, где плещет Нева о ступени..."

Впрочем, город так полно "населен" ее стихами, или, наоборот, ее стихи так емко вобрали город, что вслед за набережными обратимся к площадям. "Как площади эти огромны, / Как гулки и круты мосты"... Речь идет о площадях, распахнутых к Неве. И каждая содержит свою тайну. Обращаясь к Медному Всаднику на Сенатской: "Ах, своей столицей новой / Недоволен государь!"

Многократно в стихах и прозе упоминается Марсово поле. Марсово — плац-парад, где ночью обучали новобранцев в 1915 г. (барабан), и Марсово — огород уже разрытый, полузаброшенный (1921) "под тучей вороньих крыл". Дом на углу Мойки и Марсова поля, построенный братьями Адамины, место действия четвертой части "Петербургской повести" — первой главы "Поэмы без героя".

"Ветер, полный балтийской соли, / Бал метелей на Марсовом поле, / И невидимых звон копыт... / И безмерная в том тревога, / Кому жить осталось немного, / Кто лишь смерти просит у бога..."

По "Поэме" на лестнице дома братьев Адамины произошло самоубийство. Она не забудет отметить в "Поэме" что в дом братьев Адамины в 1942 году попала бомба. В

одном из стихотворений она пишет: "В грозных айсбергах Марсова поля..."

Не пожалела Ахматова мрачных красок для этой площади. Не смягчило их даже то, что в подвале дома братьев Адамины несколько предреволюционных лет располагался "Привал комедиантов", где собиралась петербургская театально-художественная богема: "Да, я любила их, те сборища ночные...". Может быть, причина в том, что вопреки традиции эта площадь в центре города с марта 1917 года стала не освященным церковью кладбищем.

Не последнюю роль сыграл и личный опыт. В служебном корпусе Мраморного дворца, что выходит на Марсово поле, примерно с 1918 по 1921 год жила Ахматова со своим вторым мужем, В.К.Шилейко. Они голодали и мерзли, Шилейко много болел. К тому же брак оказался неудачным: "Все ясно. Кончается злая неволя. / Сейчас я пройду через Марсово поле. / А в Мраморном крайнее пусто окно..." Это окрасило определенным настроением место, которое она ежедневно видела из своего окна.

За Михайловским садом, "Меж гробницами внука и деда / Заблудился взъерошенный сад...", находится Михайловская площадь, где в доме №5 было известное литературное кабаре "Бродячая собака". Весь художественный Петербург бывал там. "Все мы бражники здесь, блудницы. / Как невесело вместе нам / По стенам цветы и птицы / Томятся по облакам..."

Стены и своды "Собаки" были расписаны Судейкиным, Григорьевым, Добужинским — известными художниками, — и были там облака, цветы и птицы. "Навсегда забыты окошки. / Что там изморозь или гроза?..." И действительно, там был тот замкнутый самодостаточный мир, в котором безразлично, что снаружи — изморозь или гроза (зима или лето).

"А та, что сейчас танцует, / Непременно будет в аду!" И Тамару Карсавину, танцевавшую в "Собаке", и О.Глебову-Судейкину, исполнявшую роль фавна в балете Саца "Пляс Козлоногих", ждали впереди тяжелые испытания. Но тогда, в 1912-1913 годах здесь дурачились, приветствуя друг друга лаем: "Gay-gay-gay", писали разные острооты в "Свиную книгу", читали стихи, слушали музыку. В "Собаке" царил дух веселого сотворчества.

В 1940 году этот подвал, где уже в дореволюционные годы не было "Собаки", превращается в "Подвал памяти": "Но сущий вздор, что я живу грустя / И что меня воспоминанье точит. / Не часто я у памяти в гостях, / Да и она всегда меня морочит. / Когда спускаюсь с фонарем в подвал, / Мне кажется — опять глухой обвал / За мной по узкой лестнице грохочет... / Но я касаюсь живописи стен / И у камина греюсь. Что за чудо! / Сквозь эту плесень, этот чад и тлен / Сверкнули два живые изумруда / И кот мяукал..."

И, наконец, во время одной из воздушных тревог в сентябре 1941 года Ахматова оказалась на Михайловской площади (площадь Искусств). Все бросились в подворотню дома №5, где в последнем дворе было бомбоубежище. Оно было там, где когда-то была "Собака".

Санкт-Петербург

Продолжение следует.